

Шли в понедельник игрища и пляс,
И там Венере все служили рьяно.
Но так как все же надлежало рано
Заутра встать, чтоб видеть грозный бой,
Все к ночи удалились на покой.
А поутру, едва лишь день блеснул,
От скакунов и сбруи громкий гул
Загромыхал по всем дворам подряд,
К дворцу помчалось много кавалькад
Из знатных лиц на скакунах проворных.
Там много сбруй сверкало – светлых, черных,
Сработанных роскошно и богато,
Стальных, расшитых, кованных из золота.
Сверкают щит, кольчуга, пышный стяг,
С золотой насечкой шлем, камзол, чепрак.
На скакунах – нарядные вельможи.
Здесь ратный муж (с ним щитonosец тоже)
Вбивает гвоздь в копье иль чистит щит,
Подвязывает шлем, копье крепит,
У всех работа, все про лень забыли:
Грызет узду золотую конь, весь в мыле;
Проворный мастер оружейных дел
С напилком, с молотком везде поспел;
Все граждане и йомены пешком
Валят толпой, и каждый с посошком.
Гудки, литавры, трубы и рожки,
Чей клич кровавый так бодрит полки.
Дворец набит народом до отказа;
Здесь трое, десять там, гадают сразу.
Кто выйдет победителем из боя.
Один твердит одно, другой – другое
Одним чернородый витязь мил,
Других кудрявый юноша пленил:
Он, молвят, лют и сильный даст отпор:
Ведь в двадцать фунтов у него топор.
Толпа шумела громко и гадала,
А между тем давно уж солнце встало,
И пробудился сам Тезей великий
Под этот говор, музыку и клики.
Но не расстался он с дворцом богатым,
Пока соперников к его палатам
Не проводили с почестью большой.
Вот у окна сидит Тезей-герой,
Как бог на троне, пышно разодет;
Внизу ж – народ, собравшийся чуть свет
Владыке своему воздать почет
И выслушать, что им он изречет.
Герольд с помоста возгласил: «Молчанье!»
И все утихли сразу в ожиданье.
Когда в толпе угомонились крики,
Он огласил желание владыки:
«Наш государь по мудрости державной
Решил, что было б тратой крови славной
Рубиться тут с повадкою такой,
С какой бойцы вступают в смертный бей.